

Вячеслав
Шихин

Пасьянс

Судьбы

сборник стихотворений

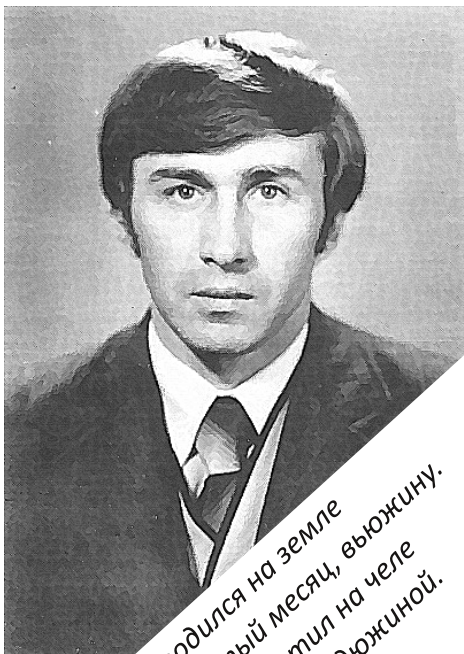
В авторской редакции

Новомосковск
2016

УДК 821.161.1-1(081) Шихин В.

ББК 84(2Рос=Рус)

Ш65



Я родился на земле
В лютый месяц, вьюжину.
Бог пометил на челе
чёртовой дюжиной.



Три родинки на девичьей груди,
Как таинство чарующее Божье.
О, Господи, ты только не сведи
Меня с ума в душевном бездорожье.

Целую их, как пью из родника
Живую воду, с чувством оробелым
Скользит моя дрожащая рука
По трепетному, женственному телу.

Ах, девочка, тебе лишь двадцать два,
А мне? Скрывать не стану, слава Богу,
А годы, как осенняя листва,
Устлали позади меня дорогу.

И я бреду, куда – не знаю сам,
И ты со мной, пока сегодня, рядом.
Что ищем мы? Какой мы ищем Храм?
Он скрыт от нас высокою оградой.

Ах, девочка, тебе пора понять:
Мы выбрали с тобой не ту дорогу.
Скрывать не стану – мне уж сорок пять,
Тебе лишь двадцать два, и слава Богу!

Ночь. Зима. Уснувший ветер.
Приглушённый звук.
Взгляд доверчив, робок, светел,
И сплетенье рук.

Лунный свет. Полупризнанья
Радугою слов.
Страх и радость узнаванья
И ночной покров.

Счастье! Счастье без предела,
Изумленье! Новь!
Губы. Бархатное тело
Алой розой – кровь.

Лунный свет. Уснувший ветер.
Сердца перестук.
Лёгкий вздох в неверном свете
И сплетенье рук.

1984 г.

В ночном

В небе горстью жемчуга,
Словно брошены с ладони.
В поле прячутся стога,
А в ночном пасутся кони.

Запах скошенной травы,
Шелест ветра полевого,
Вскрик недремлющей совы,
Всхрап в загуле вороного.

Грудь созревшая луны
Округлилась. И упруго
Над костром, среди тишины
Пламя пляшет рыжей вьюгой.

Вьётся змейкой дым слегка,
Где-то в поле сонном тает,
А зеркальная река
В водах грудь луны купает.

Вновь крик испуганной совы,
Пламя в пляске утомилось,
И осинки дрожь листвы,
У костра, что притулилась.

Ночь. Крутые берега.
Плещет карп в речном затоне...
В небе горстью жемчуга,
А в ночном пасутся кони.

Весеннее

Вот и весна – любовница моя!
Стоит в дверях, как будто оробела.
Так заходи ж. Простёр объятья я,
Коль ты ко мне ещё не охладела.

Вот ты пришла, и память ожила,
И я вдруг молодею вновь с тобою.
И кровь быстрее по жилам потекла
Струёю обновлённой и живою.

Среди других ты для меня милей.
В тебе ценю я тягу к вечной жизни.
Вот потому зову: зайди скорей,
В меня лучи живительные взбрызни.

И ты заходишь, и в который раз
Я вновь воскрес –
 упрямый к жизни стоик...
А за окном – весёлый перепляс,
Чечёткой бьёт капель о подоконник!

1988-1990 гг.

Что изменилось? Почему так грустно?
Откуда этот всплеск белиберды?
И не понять – блефуют ли искусно
Иль ищут путь от нищенской беды.

Перемешалось всё. Перекрутилось.
И не найти начала и конца.
И в наших душах что-то надломилось,
Озлобились в безверии сердца.

И нервы стали взвинчены, до дрожи.
На прошлое глядим мы свысока.
Не потому ль день нынешний тревожен,
Откуда веет смертная тоска?

Что изменилось? Что гнетёт и давит?
От тяжести вопросов этих гнись.
И почему, как волчью стаю, травят,
Кому не безразлична наша Русь!?

Зловещий сон

Мне этой ночью снился страшный сон:
Летает над землёй стервятник-птица.
Вокруг я слышал плач, проклятья, стон
И дикие в оскале видел лица.

И я среди них брёл словно бы слепой.
Куда? зачем? Мне помнится едва ли.
Возник вдруг шар, как солнце, огневой.
О, как мучительно вслед люди умирали.

За шаром шар рождались в вышине,
Как в майский день планета озарилась.
Земля, строенья, люди – всё в огне!
Всё плавилось, всё корчилось, варилось.

И смрадный запах стлался по земле.
Мне виделось, как люди задыхались.
Тела, чадящие в крови, в грязи, в золе,
Ещё живые, в угли превращались.

Лишь конвульсивно дёргались они
В объятьях смерти, струпьями на теле,
А их лизали жаркие огни –
Тела людские заживо горели.

Всё исчезало! Всё. Сплошной пожар
Владыкою всеильным правил миром.
О, страшный сон – чудовищный кошмар!
Но я увидел в нём безумного вампира.

Да, да! Увидел чётко, во весь рост.
И слышал я, как он гнусавил лживо,
Что он хотел построить дружбы мост –
И в этом роде мямлил, шелудивый.

И продолжал с улыбкою скопца,
Что создавать нельзя, не разрушая!
И я подумал: правда ль, подлеца
Могла родить простая мать, земная!?

Неужто был он женщиной рождён?
Тогда откуда в нём
 к земле презренье злое?
Мне этой ночью снился страшный сон...
Нет на земле ни мира, ни покоя...

1985 г.

Либеральные «лизуны»

Сегодня черти пляшут в кураже.
Повязанные накрепко иудством.
Забыв о совести и чести в дележе
И наслаждаясь
 собственным паскудством.

И оболванив сказками народ,
Разграбив, развалив и оскотинив,
Витийствует ублюбочный урод
Под «звезданутым» флагом Евро-синим.

04.12.2013 г.

Когда-нибудь...

Когда-нибудь раскаянье и жалость
Огнём слепящим сердце обожжёт,
За то, что никогда не унижалось
И не прощало тех, кто предаёт.

Когда-нибудь в сознание вспыхнут лица
И чьи-то полустёртые черты,
Кому не дал возможность повиниться,
Кого отверг без лишней суеты.

Когда-нибудь мне будет очень больно,
Что не умел я многое прощать.
И в слабости усматривал невольно
Способность дружбу запросто предать.

1989 г.

Чубайщина

Народ прозрел и понял, что к чему.
И что хотели рыжие «ушлёпки»
Развал страны,
 и погрузить во тьму.
Чтоб от России – жалкие ошмётки.

Прозрел народ и видит сплошь «рыжьё».
Не продохнуть от этой мрази «рыжей».
И кружит над Россией вороньё
С улыбкою циничной и бесстыжей.

04.12.13 г.

Запах материнства

Чуть-чуть, слегка
Пьянящий запах молока
Солоновато-тёплого, пахучего
От тела трепетного, жгучего
Врывается в сознание моё,
И горячо, бессвязно-горячо
Шепчу слова я на одном дыханье,
Как в полусне, я вижу колыхание
Полутеней, на окнах, на стене,
Рождённых при полуночной луне.
А за окном зима, ветра.
Лишь в комнате полутеней игра.
Горячий шёпот, полумрак, рука...
От тела запах, запах молока.

Совсем не то, совсем не та...

Ты вновь пришла. Ну, что тебе сказать?
Я виноват перед тобой, я знаю.
Как трудно стало мне тебя встречать, —
Но я встречаю, я опять встречаю.

Мне говорить с тобой не вмоготу.
Я прячу взгляд свой
 с чувством виноватым.
Но как преодолеть мне пустоту,
Я и сегодня вновь слегка поддавай.

И ты ушла без лишней болтовни,
Поняв одно – не будет разговора.
И обернувшись, тихо: не звони.
И столько было в голосе укора...

1987 г.

Не разум мне вещун, а сердце,
Что птахою подстреленной скользит.
Какая боль! На что мне опереться?
И кто во мне надежду укрепит,

Что нет, не всё покрыла ржа и плесень,
И что не всё укутано во мрак?
Настанет день, когда душа воскреснет
С младенческой улыбкой на устах.

Когда было мне невмоготу,
Я позвал. Она пришла с улыбкой.
Пропасть. Мост. И мы на том мосту.
И казалось счастье наше зыбким.

Мы стоим. Под нами бездна, мрак.
Как бы нам в ту бездну не сорваться.
Господи, какой же я дурак,
Если смог я в чём-то сомневаться.

Ведь она со мною, рядом, здесь.
На одном мосту – под нами бездна!
Почему ж я напрягаюсь весь,
Думая, что счастье бесполезно.

Всё ещё, возможно, впереди,
И не всё расплывчато и зыбко.
Я её позвал. Позвал – приди!
И она пришла, светясь улыбкой.

2005 г.

Угрюмою строкой ложится слово.
И мне за жизнь приходится краснеть.
И как ребёнка слабого, больного,
Я прошлое хотел бы пожалеть.

Мы жили, не вторгаясь в дебри жизни,
Как странники в стране своей родной.
Нам обещали жизнь при коммунизме.
Мы верили... махнув на всё рукой.

Нам говорили, что «проклятый» Запад,
Чуть-чуть осталось – скоро догнёт.
Мы верили, что он на задних лапах
В объятья наши сам и приползёт.

И нам твердили: он ещё коварен,
Сей супостат с агрессией в мозгу.
Мы верили. (Как некогда всем Сталин
Привил жестокость к мнимому врагу).

Но мы не знали. Вырваны страницы
О людях, сохранивших долг и честь.
Как злобно гнали многих из столицы
За откровенно-выстраданную песнь.

Не знали мы. Мы многое не знали.
Не знали про неведомый Афган.

Меж тем, там наши парни погибали,
А мы тут шлюх водили в ресторан

И упивались лёгкой этой жизнью.
Мы в дни торжеств, с портретами в руках
Стремились оголтело к коммунизму,
А кто-то умирал в тот час в песках.

И стыдно мне! И я один из многих,
Кто нёс плакаты тех. Не в этом суть,
Но эти вот, портретные пройдохи,
Послали тех, которых не вернуть.

И вот теперь строкой угрюмой слово
Наотмашь бьёт! И трудно не краснеть.
Но как ребёнка слабого, больного,
Я прошлое хотел бы пожалеть.

1988-90

Спит дочурка, разметалась
На кровати, как княжна.
И чему-то улыбалась,
Безмятежна и нежна.

Я не знаю, что ей снилось,
Что привиделось во сне,
Только радостью забилось
Сердце трепетно во мне.

Бог ты мой! Какое счастье
Видеть в сорок с лишним лет
Это чудо! Все напасти
Забываются, как бред,

От её улыбки кроткой,
Промелькнувшей на губах...
Словно был из сказок соткан
Мир в её волшебных снах.

2004 г.

Ну, вот и всё

Ну, вот и всё – мне шепчут листья сада.
Конец, конец – бормочет листопад.
Постой, постой, любимая, не надо,
Не уходи – прошу,
вернись назад.

Я так устал от поисков, скитаний,
Я так озяб и сердцем так продуло,
Что жизнь мне кажется
 безмолвным наказанием,
За всё, что я сберечь в душе не смог.

За то, что я когда-то беззаботно
Весь предавался мнимому теплу,
А стужа подступала к сердцу плотно
И как мороз – узором по стеклу.

И вот уже я и тебя теряю,
И ты уходишь, листьями шурша,
А я берёзку крепко прижимаю,
Щекой к стволу прильнув и чуть дыша.

И вновь зову – любимая, не надо,
Не уходи, постой! Но невпопад:
Ну, вот и всё – мне шепчут листья сада.
Конец, конец – бормочет листопад.

* * *

Всё трудней с годами засыпать.
Прошлое, как сполохи зарницы.
Память станет ярко оживлять
Временем погашенные лица.

Даже тех, которых еле знал.
Или тех, с кем просто
 вскользь столкнулся.
Может быть, я с кем-то выпивал.
Ну, а кто-то с моря не вернулся.

Вот стоим все вместе на плацу.
Позади ворота с якорями.
Разве угадаешь по лицу,
Как судьба распорядится нами.

Многих нет. И тяжко сознавать,
Что уже ничто не возвратится.
Оттого так трудно засыпать.
Память воскрешает чьи-то лица.

16.02.14 г.

Предчувствия тревожные мои,
Не дай вам Бог
 хоть в чём-то оправдаться.
...Не надо больше Храмов на крови...
Кричу до хрипа, чтобы докричаться.

Но, кажется, напрасен крик! Глухим,
Им не услышать сердцем своим куцым.
Но мы уже навряд ли повторим
Кровавый путь нелепых революций.

И страшно мне при мысли при одной,
И за страну, Россию сердце мучит.
Неужто вновь народ мой стал слепой?..
Сгущается на небе мрак паучий.

1993 г.

Гнусный дьявол прошёл по судьбе,
В моей жизни святое губя.
Но Бог есть! На позорном столбе
Эта нечисть увидит себя.

Светлый Ангел меня уберёт,
Удержал от поспешных шагов.
Пусть я сердцем на время продрог
От предательств, измен и долгов.

Но я верю: душевный подъём
Снова птицей меня окружит...
Баста! Всё! Мы сегодня не пьём!
Сердце рвётся, как прежде, в зенит!

15.12.2005 г.

Ссора

Ты, с прекрасным от гнева лицом,
Повторяла устало сквозь слёзы:
Уходи же, в конце-то концов,
И не надо ненужных вопросов.

Я разрыва с тобой не боюсь,
Надоело всё время бояться.
Средь друзей своих часто смеюсь,
Хоть не хочется вовсе смеяться.

Лишь обида подкатит волной
Мне во время любого веселья,
Но, увидя твой взгляд ледяной,
Я смеюсь, словно дура с похмелья.

Твоя ревность не знала преград;
Я не смела смотреть на прохожих,
Твой ревнивый я видела взгляд,
И мурашки бежали по коже.

Уходи же, в конце-то концов,
Я устала от жизненной прозы...
Ты, с прекрасным от гнева лицом,
Повторяла мне снова сквозь слёзы.
1983 г.

Все мы! Все мы вышли в мир Оттуда!
И для всех была Там колыбель.
Разве важно, Ангел иль Иуда!?
Окровавил грешную постель?

По любви ли или же по злобе
Совершилась некогда та связь.
И свернувшись яблочком в утробе,
Разве ведал, как она звалась?

И живя в той мрачной колыбели,
Разве мог он там предположить,
Что его уже предать успели,
Не успев мир этот подарить.

Разве мог он знать, что будет брошен,
Только появившийся на свет...
Крохотный, беспомощный, хороший...

.....

Как он горько плакал...

Знаешь???

Нет...

15.12.87 г.

Потеря

Всё, что нам дорого и свято,
Что любим сердцем и душой,
Мы вдруг теряем без возврата,
Как мир, прекрасный и большой.

И вот вокруг уже пустыня —
И холод, ветер, злая тьма,
А сердце стынет, стынет, стынет,
Как будто в грудь вошла зима

И улеглась пургой навечно,
И затянуло сердце льдом.
Года незримо, быстротечно
Летят, уходят серым днём.

И жизнь становится безлика
Среди душевной пустоты.
И лишь во сне беззвучным криком,
Зову: ну, где же, где же ты?

Ну, где же ты, моя земная
И перезревшая мечта.
Вернись, — но вновь тоска больная,
Вновь в сердце холод, пустота.

И только память возвращает,
Как будто было всё вчера,
Но сердце льдистое не тает
От яркой памяти костра.

Всё, всё прошло. Но хватит, хватит
О прошлом душу ворошить,
Но за потерю пусть заплатит
Тот, кто с потерей будет жить.

Ночной дождь

Яростные вспышки
В небе грозовом,
И без передышки
Пляшет дождь под гром.

И неугомонный
Оторви-да-брось
Ночью полусонной
Сыплет вкривь и вкось.

Темень, грязь и сырость,
Мокрых листьев дрожь.
Свет фонарный вырос
Тусклый, словно грош,

Что едва замечен
В непроглядной мгле.
Дождь чечёткой мечет
Дробной по земле.

За одни глаза твои

За одни глаза твои
Я готов взойти на плаху.
Умереть в лучах любви,
Не испытывая страха.

И как сказочная фея,
Ты приходишь всякий раз,
От тоски мне сердце грея
Васильковым цветом глаз.

Вопреки судьбе, невольно
Задышалось – отлегло;
Где недавно было больно —
Будто боль рукой сняло.

Забываю всё на свете,
В сердце дрожь и непокой,
Когда вижу глаза эти,
С поднебесной синевой!

Исчезает всё. Как будто
Я влюблён, как в первый раз...
До чего же в жизни трудно
Нам без чьих-то милых глаз!

Родился я и жил в бараке
Верхне-засецка, у реки.
И детство взглядом забияки
Глядит в меня из-под руки.

Вот цирк-канал, где мы купались,
А вот посадка, где тайком
Курили мы и чертыхались,
С слезами дым глотая ртом.

А вот картофельное поле,
Где мы по осени в костре
Пekli картошку и без соли
Съедали тут же в кожуре.

Ах, Люба, Любушка, Любаша,
Ах, наша Любовка-река,
Та, где удилицами машет
Азарт заядлый рыбака.

А вечерами у барака
Да под гармошку перепляс.
И девок визг из полумрака,
И полупьяный чей-то бас.

Частушки резвые частили
Девичьи звонко голоса.
От смеха челюсти сводило,
От слёз туманились глаза.

А жизнь барачная бурлила
До поздней ночи иногда...
Мне память ярко сохранила
Те босоногие года.

Всю нежность сердца

Всю нежность сердца выплеснуть
до капли,
Любимая, хотел бы я сейчас,
Но мы на разных полюсах с тобой,
не так ли?
И ничего не сможет сблизить нас.

Быть может, и не стоило об этом
Мне говорить, держа в руке бокал,
Но вот сегодня, озарённый светом,
Я понял, что всю жизнь свою терял.

Кого и что? Да так ли это важно?
Важнее то, чего я не сберёг.
И той любовью девочки отважной,
Единственной, когда-то пренебрёг.

Теперь всё в прошлом, всё перегорело.
Не стоило б всё это ворошить,
Но почему-то сердце зазвенело,
И захотелось снова полюбить.

И все слова, что где-то во мне зябли
Вдруг потекли легко и без прикрас,
Вот потому мне хочется до капли
Всю нежность сердца
выплеснуть для вас.

Мне очень жаль. Порой до слёз обидно,
Что ты, дочурка, больше не со мной,
Лишь фотографии с улыбкой миловидной
Глядят со стен – мой ангел неземной!

Любимая, родная и хорошая,
Прости меня за всё, за всё, за всё,
Пусть сердце моё снегом запорошено,
Ты греешь душу, солнышко моё.

Ты греешь душу, и уходит злоба,
Когда смотрю на фото я твои.
Я знаю, милая, тебе хотелось, чтобы
Мы снова жили в счастье и любви.

Но сердце моё вьюгой запорошено,
Нельзя построить храма на крови.
Беда пришла к нам крысою непрошеной.
И нет семьи. Увы. И нет семьи.

И оттого мне жаль, до слёз обидно,
Что ты, родная, больше не со мной...
И лишь глаза с улыбкой миловидной
Глядят со стен – мой ангел неземной.

11.08.05 г.

Она приходит

Она приходит, как к себе домой,
И говорит мне ласково-протяжно:
А у меня сегодня выходной,
И эту ночь хочу я быть с тобой,
Мне одиноко, холодно и страшно.

И я молчу, мне нечего сказать.
Лишь головой киваю еле-еле.
Я не могу ей в этом отказать,
Пусть нет любви, но я готов отдать
Ей эту ночь за целую неделю.

И пусть всё это – розовая блажь.
Её каприз, а может, моя прихоть...
Нам просто нужен сказочный мираж,
Хотя бы ветхий, временный шалаш,
Где полумрак и тихо... тихо... тихо...

Барачные свадьбы

Мне свадьба помнится в бараке.
Как было всё давным-давно...
А что за свадьба – да без драки?!
В то время, право же, смешно!

Нам было жутко интересно,
И мы, приплюснувшись к стеклу,
Смотрели в комнату, где тесно
Мой брат сидел с женой в углу.

Смеялись, пели и плясали
Потом на улице толпой.
А уж конфликты назревали
Из ничего между собой.

И вот, как водится – взметнулась
Вся кутерьма из ничего,
И под гармошку захлебнулась,
И понеслась! И кто кого!

Не разобрать! Лишь крики с матом
Да бабий вой, обвальный визг.
И лишь с улыбкой виноватой
Невеста с братом, пьяным вдрызг,

Стояла рядом и шептала:
– Мне страшно!
Он ей: – Пустяки!
Но вскоре драка утихла,
И снова пили мужики.

А утром – вновь друзья. Однако
Забыто всё, и вновь – гудёж!..
Вот так гульванила в бараках,
В пятидесятых, молодёжь.

Какие б ни случились передраги
В судьбе нелёгкой Родины моей,
Потребует мой век иной отваги:
Сказать о правде дерзко – и честней,

Чем говорилось до. В густом тумане
Былое время человеческих драм.
Физическая боль телесной раны
Намного легче всех душевных ран.

Так было в то неласковое время,
Но нам ли опрометчиво судить?
На это, впрочем, права не имея,
Для нас важней тех драм не повторить.

Сегодня тоже время непростое.
Ломаются и судьбы, и уклад
Привычной жизни в мертвенном застое,
Отбросившем страну во всём назад.

И что постыдно: в собственном уроне
Виним того, кто был вчера хорош.
Ведь мы же сами зрили их на троне
И дружно хлопали, выслушивая ложь.

Но были, правда, были одиночки,
Кто против плыл, всем бедам вопреки.
Хоть ставили на них кресты и точки,
И вешали всех рангов ярлыки..

И вот теперь как будто потеплело!
Надого ль этих вёсен благодать?
И хочется мне верить до предела,
Что навсегда! И нет дороги вспять.

Но что-то бессознательно тревожит:
А вдруг всё станет так же, как вчера?
И кто-то лёгким взмахом уничтожит
И скажет веско: – Кончилась игра!

Растопчет настоящее, живое,
То, что пока висит на волоске...
Какое всё же время непростое
Мы держим все на трепетной руке.

1986 г.

Друзья уходят слишком быстро
Из тех моих минувших лет.
И смерть друзей – внезапный выстрел,
И болью в сердце – рикошет.

Ну, не художник я...

Ну, не художник я! Не художник!
Да к тому же безвестный поэт.
Кто я? Что я? – простой подорожник,
Сорока с небольшим моих лет.

Обо мне позабудь и не думай,
Только мне непонятно, зачем
Хочешь встречи со мной? Много шума
От вопросов твоих и от тем!

Пью ли? Нет ли? Иль снова в запое?
Да и твой тут какой интерес?
Всё прошло, даже сердце не ноет.
Я спустился на землю с небес.

Извини. Всё, что было – всё в прошлом.
Ты свободна! Гуляй и б....й.
Не хотел говорить я о пошлом...
Всё! Довольно! И губки не дуй.

15.11.95г.

Не хочу! Устал! Невмоготу!
Каждый день до срыва, до предела.
Не поймать удачи на лету.
Все мы у кого-то на прицеле.

Проще бросить всё и разойтись,
Если резать – резать по живому,
И сказать себе: – Остепенись, –
Нет возврата к рухнувшему дому.

Нет возврата к прежнему житью,
Всё, что можно было исковеркать,
Сделано! А боль я перепью,
Даже если мир в глазах померкнет.

Жизнь одна! У каждого своя.
Как она продолжится – неважно.
Только б не вильнула колея
И не возвратила в день вчерашний.

Не влюбляюсь, почти не влюбляюсь.
Раз в неделю – и то не всерьёз.
Кое с кем ненадолго встречаюсь,
Но уже не «люблю» на износ.

Осенний реквием

Как осколки битого стекла –
Никогда, ничем уже не склеить...
Осень мою душу обожгла,
И печаль души мне не развеять.

Даже водка боль не притупит.
Рана будет долго кровоточить.
Осень, осень, я – тобой убит.
Мне не надо худшего пророчить.

Всё, что было, превратилось в прах.
Много лет бездарно пролетели...
Я ведь не святой и не монах,
Прозвенят ещё мои капли.

Пусть сегодня осень гнёт меня,
Я от бед, ей-Богу, не сломаюсь.
Не хочу чужого я огня,
Я пока водярой согреваюсь.

Только это – временная блажь.
Я ещё свои расправлю крылья.
Мне не нужен призрачный мираж,
Не нужна мне чувственность кобылья.

Я уже не верю ни во что:
Ни в мираж, ни в искренность,
ни в святость...

Скинет осень рваное пальто –
Вот она, суровая распятость!

И пускай мне скоро полста три,
Но я верю – обрету я крылья
И взлечу, – ты только не смотри
То, что осень плачет от бессилья.

2003 г.

Сегодня я счастливый и хмельной.
Мне кажется, что я поймал жар-птицу!
Но почему-то в сердце непокой,
Неужто эта сказка только снится!?

Проснусь, и... всё исчезнет, как молва,
И будет вновь тоскливо и беспутно.
По новой закружит вокруг б..два
И станет, как и прежде, неуютно...

1986 г.

Пасьянс Судьбы

Пустые хлопоты. Совсем не тот расклад.
Нет дамы Пик – знать, выпала разлука.
И я бреду в осенний грустный сад,
Где мы нашли когда-то здесь друг друга.

Нет дамы Треф! Мне выпала судьба
Совсем не та, что вышла из колоды.
Что мне осталось? Пьянство и гульба.
А наплевать! Какие наши годы!

Осенний сад. Червовой дамы нет,
Совсем не та мне выпала удача.
Но почему хочу найти я след
Той, что ушла когда-то, чуть не плача?

Осенний сад. Я памятью в былом,
Бубновая мне дама часто снится.
И часто, очень часто за столом
Хочу порой до чёртиков напиться.

Нет дамы Треф, и нету дамы Пик.
Они, наверно, все уже с мужьями.
Сменили Бубни с Червями парик...
Но всё равно я был, я есть, я с вами!

1996 г.

Когда совсем уже невоготу,
Схожу я в церковь Богу помолиться.
За нашу жизнь, за грешную тщету,
И перед кем не смог я повиниться.

2011 г.

Осень, а в сердце – весна!
Пёстрый ковёр под ногами.
Хочется выпить вина
Где-нибудь в парке с друзьями.

Чтобы, как прежде, вразлёт
Стих запивая стаканом,
Каждый экспромтом прочтёт
Искренне, без изъяна.

Здесь возвышалась душа
Истинного поэта...
Я брёл по ковру не спеша.
Многих в живых уже нету.

2010 г.

Предвижу я: немало катаклизмов
В моей стране ещё произойдёт.
Быть может, вновь рукою сталинизма
Гулаг для многих снова оживёт.

Вновь рвётся к власти клика душегубов.
Где свет и тьма, и нет полутонов...
Уже летит щепка у лесорубов
От Беловежских срубленных лесов...

Толерастам-либерастам, да и пр.

Пишу. Читаю. Рву.
Не то, не так – пустышка.
А нервы – в тетиву.
И ярость, словно вспышка.

Куда? Зачем? К чему?
Разорванное Знамя.
Впустили в дом чуму.
Впустили сами.

Казалось, вот она,
Реальная свобода.
Гуляй и пей, страна.
На словоблудье – мода.

Потерянная честь!
Затоптанная совесть!
И долларовая спесь.
С рублёвой шлюхой – помесь.

Проснись, очнись, страна.
В припизднутой Европе
Бал правит Сатана.
С «балдою» в мерзкой ж...

17.08.13.

Жгучая боль...
Пересохшее нёбо –
Не продохнуть.
Я прохожу у гроба,
Того, чей оборван путь.

Вот он лежит, недвижим.
В объятьях живых цветов.
Убит, но не унижен
Игорь Тальков.

Поэты

Наверное, родиться надо Им
И положить всю жизнь свою на плаху,
Чтобы парить торжественно, как гимн,
А не витать беспомощною птахой.

Им предначертан каждому свой срок.
Кому-то сто, кому-то только тридцать.
Какой дорогой их направил Бог,
Отметив их поэтами родиться.

Предугадать не каждому дано
Ни взлётов, ни падений в жизни этой.
В судьбе поэтов всё предрешено.
И даже смерть предсказана поэтам.

И потому, как гром среди небес,
Порою неожиданно и дико;
Ушёл поэт. И чудный полонез
Звучит над миром тайною великой.

30.11.13 г.

Мне всё равно – «абрек» ты иль литовец;
Мне наплевать – обрезан ты иль нет.
Сегодня я, российский богомолец,
Вчерашний атеист, полуаскет –

Стыжусь, страдаю и болею Русью,
Но обострений больше, чем рентген.
Предвижу я, с какой-то светлой грустью:
Страна моя подыметесь с колен.

И пусть сегодня Русь больна и нища,
Но были и похуже времена.
И верю я, на смрадном пепелище
Воскреснет Русь, от бед исцелена!

1991 г.

Когда угасает задор,
И в сердце нет больше запала,
Ты вынес себе приговор.
Осталось дожидаться финала.

2014 г.

«Малышка»

Я видел, как девчонка,
Расплакалась сильнее
Над телом собачонки
Лежащей перед ней.

Лежащей бездыханно,
С застывшей пеленой
В глазах, открытых странно,
А в них – упрёк немой.

Как будто кто ударил
Безвинно по хребту,
Под свист бежать заставил
В дождь, в слякоть, в темноту.

И вот уже больная,
Не ест совсем, не пьёт.
И до того худая,
Вот-вот – и упадёт.

Под утро умирала
И, жалобно скуля,
Как будто возражала,
Жизнь для себя моля.

Скулила так ужасно,
И дрожь по телу шла,
А утром злым, ненастным
«Малышка» умерла.

И только лишь девчонка
Всё гладила нежней
То тело собачонки
И плакала над ней.

Никогда не загадывай в жизни,
Ведь загад – не бывает богат.
Всё обидчивей мы и капризней
С каждым годом, чем ближе закат.

2011 г.

Весенний ливень

Только что светило
Ярко солнце. Грело.
Небо вдруг затмило.
Вмиг всё потемнело.

В тот же миг со звоном,
С бесшабашным свистом
Заплясал под громом
Ливень-дождь артистом.

Я же приударил
Под навес, к соседям...
Дождь. Мальчишка шпарит
На велосипеде.

Из осколков...

Из осколков битого стекла
Никогда не склеится фужера,
Если ты однажды предала
И втоптала в грязь Святую Веру!

От обиды жгучей – в сердце дрожь,
А в душе, израненной и нежной,
Всё звучит причудливая ложь,
Как прощанье со Святой Надеждой!

Ни о чём не стану сожалеть.
Я привыкну жить с щемящей болью.
Всё пройдёт, когда наступит смерть
И благословит Святой Любовью!

01.07.04 г.

Развод

Не первый я и не последний,
Кто пережил обман и ложь.
Развод! Страшнее преисподней.
Кто прав, кто нет – не разберёшь.

Но время лекарь – лечит души,
Даёт возможность осознать:
Легко и просто всё разрушить
И веру в чувства потерять.

Я не святой и не безгрешный.
Возможно, был и я неправ,
В своих суждениях поспешных
И такт, и меру потеряв.

Но есть во мне шестое чувство,
Где я уверен на все сто!..
А на душе темно и пусто.
Кто виноват?! О, Боже, кто?

15.12.03 г.

Снова вечер, февральская стужа,
Свет расплывчатый в чьём-то окне,
Ветер бесится, воеет и кружит,
Норовит всё прижаться ко мне.

Он бросается, гладит мне щёки,
Его страсть и порывы сильны!
Как не может понять он, жестокий,
Сколь объятья его холодны!

Поздний вечер, февральская стужа,
Свет погас уже в чьём-то окне.
Я иду встречать с плаванья мужа,
Ветер зябнет, прильнувши ко мне.

Над страную...

Над страную сгущается мрак.
Как предвестники бед, кружат птицы.
Можно думать беспечно и так:
«Нет, не может такого случиться».

Нет, не может, а если придёт –
И тревога, как током, по нервам.
Кто-то первым, наверно умрёт,
Кто-то должен погибнуть ведь первым.

И кричу я, боль в сердце тая:
«Улетайте, зловещие птицы...»
Но идут погибать сыновья,
Защищая чужие границы.

1986-04 г.

Зачем ты...

Зачем ты каркаешь, ворона?
Какую ты сулишь беду?
Забагровели листья клёнов
В пустынном городском саду.

О, здравствуй, здравствуй золотая!
Как чуден, ярок твой наряд!
Любовно землю устилая,
Шумит, роняя листья, сад.

А воздух странный, непонятный,
Рождает грусть, печаль в душе.
До слёз, до боли, как прощальный,
С тем, что прошло давно уже.

С тем, что прошло, и не воротишь!
А надо ль что-то возвращать?
Какую ты беду пророчишь?
Ворона! Хватит верещать!

08.09.82 г.

Хожу на барахолку. Привыкаю.
Тут беспредел – не стану отрицать,
И я вливаюсь в эту волчью стаю,
Где кто кого сумеет объ...ть!

Вот это жизнь!
Как будто пир при «чумке».
Куда ни посмотри - кругом объ.б!
А по рядам беременные сумки
Плывут и матюгаются взахлёб!

1986 г.

Исповедь бывшего члена... (Памфлет)

«...Моя эпоха – ложная и злая,
Охочая до водки и бабья.
И эту жизнь серьёзная принимая,
Свою судьбу сгубил бездарно я.

А как жилось? День минул, да и ладно,
Ночь проторчал у бабы на груди.
А верил как? Признаться – верил, падла,
Что в «светлое» шагаю впереди.

«Ура» кричал, чеканя с кумачами,
«Да здравствует» на площадях вопил.
Не ведая, что дружен с палачами,
Я эту банду так боготворил!!!

Теперь – усё. Не верю больше, каюсь,
Я ни в какой марксистский идеал.
Но по ночам не сплю, страдаю, маюсь,
Что так постыдно сам себе нас..л.

Эх, Русь, Рассея, ведь не по злобе я
Партейцем был Бог знает, сколько лет.
Но надоело в роли быть плебея.
И вот я рву сегодня партбилет!

Не думайте, что это лишь бравада.
Я перед вами искренен – клянусь!..»

.....

Не верь, прошу, Россия!

Это – падаль!

А проще – перевёртыши и гнусь!

Весёлой птицей

Весёлой птицей пронеслась
Весна над головой.
И звонкой песней разлилась,
И музыкой цветной.

Вот солнце в музыке дрожит,
И песней льют лучи,
И ветерок, смеясь, кружит,
И шепчутся ручьи.

Под крышей виснет бриллиант —
Сосулек длинный ряд.
Срываясь, бьются об асфальт —
Летит огней каскад!

Моя поэзия

Такая, знать, натура
Поэзии родной.
Она, прищурясь хмуро,
Склонилась надо мной.

И говорит напевно,
Как будто свысока,
А карандаш уж нервно
Берёт моя рука.

И вот сижу, не спится,
И хоть глаза коли.
Хочу обматериться.
Она мне: – Не шали!

И чувствую – взнузда
Она весь разум мой.
Взяла и растолкала
Средь тишины ночной.

И что ей всё неймётся.
Спала бы, как и я.
Бормочет, что придётся,
И всё – галиматья.

И чувствую, и вижу:
Не видеть сна уже.
Но нет её мне ближе –
И сердцу, и душе!

Ода 8 Марта

Друзья! Сегодня праздник женщин!
Восьмое марта. И весна
На крыльях радости трепещет,
Улыбкой их озарена!

Они сегодня так прекрасны,
Так счастьем светятся глаза,
Как день весенний ясный-ясный,
Где в небе плещет бирюза!

И сколько нежности во взглядах
Всех женщин милых и земных.
И красотой в своих нарядах
Они затмят богинь иных.

Так пусть же выльются наружу
Сегодня пляски, песни, смех,
И светлой радостью закружит
Всех женщин! Слышите вы? Всех!!!

И если день нам этот в радость,
До откровения дойду:
Восьмое Марта сделать надо б
Двенадцать месяцев в году.

«Передовики»

Поверьте мне: такие мастаки
Покажутся для всех – страны основа!
Но тянут нашей Родины соски
И доят, словно дойную корову.

Таких не счесть я видел на веку.
Они всегда в почёте . Боже правый!
Они и шею вывернут быку,
Проглотят с ненасытностью удава.

А если что, они накоротке
Расскажут о себе сплошную «правду»:
Вчера лишь только – молоток в руке,
Сегодня уж – мозоли и кувалда!

Мне говорить об этом не с руки,
Ведь, как-никак, они – страны основа!
От них давно шарахнулись быки,
Осталась только – дойная корова!

Робкая зима

Обожгла, взглядом обожгла.
Постояла, улыбнулась и ушла.

В подвенечном платье, в серебре фата,
А в глазах бездонных – неба чистота.

Молодая, нежная, хрупкая сама –
Радостью звеневшая, робкая зима.

Словно ненароком, словно не всерьёз
Обожгла случайной белизной до слёз!

Ты говоришь, что снова влюблена!
Мне всё равно, кто этот разьебоха.
В твоей крови, знать, буйствует весна,
А это, ты поверь, совсем неплохо.

Поверь, прими, как добрый знак судьбы.
Когда ещё такое в жизни будет?
И, может быть, из тайной ворожбы
Любовь пришла к тебе из серых буден.

Не отрекись, не мучь и не гони.
И за любовь – любовью без оглядки!
Пусть шепчутся, что ты опять на б...ки.
Ты их прости, за глупость извини.

Мне кажется, я падаю с небес
В какой-то необузданной отваге.
Сомненья прочь! – ведь я в тебе воскрес.
И Ангел что-то шепчет на бумаге.

Быть может, просто я схожу с ума,
Но почему в душе светло и чисто?
Мысль в голове рождается сама
И входит в лист с изяществом артиста.

А в голове кружится уйма тем,
Пчелиному подобно в улье рою...
И не уснуть, сна нет, исчез совсем,
И в лист строка ложится за строкою.

Сон (шутка)

Пацаном мечтал я о штормах!
Верилось – я стану капитаном!
Побываю я во всех портах
И по всем пройду я океанам!

Грезилось, как будто наяву:
Я сегодня в море, в кругосветке.
Чудилось, я в Африку плыву –
А «приплыл» опять я на соседке.

А ты уйдёшь и не вернёшься.
И уходя – увижу я –
Ты виновато улыбнёшься.
С собою память унося.

И хоть я знал: придёт расплата,
И никого в том не виня,
Что уведёт тебя когда-то
Другой, такой же, как и я.

На смерть поэта-фронтовика

Тяжела любая боль утраты,
И горька полынью вековой.
Умирают бывшие солдаты,
С каждым годом их редееет строй.

Умер и поэт Орлов, крылатый.
Его смерть больнее нам вдвойне,
Нёс он правду вместе с автоматом,
Только правду нёс о той войне.

Он писал в затишье меж боями,
При копилке тусклой в блиндаже,
А потом в атаку шёл с друзьями
И терял друзей на рубеже.

Но писал, в победу веря свято
И в бессмертье русских сыновей.
Уложил он павшего солдата
В шар земной, как будто в мавзолей...

Ты, возможно,
 была в чём-то лучше других.
Ну, а в чём-то, наверное, хуже.
Только я всё бегу (захлебнулся мой стих)
Босиком, словно в детстве, по лужам.

09.11.2013

Уж многих нет друзей из детства.
Ушли они в расцвете лет.
И мне, увы, не отвертеться
От их судьбы. Конечно, нет.

И я приму свой крест как надо,
Не сожалея ни о чём.
Там, где отец – его ограда.
И я уткнусь в его плечо.

Душа моя не без изъяна.
Я расскажу ему о том,
Что где-то тут и дочь Ульяна,
И мы с ним вместе помянём.

Отец. Отец. Ведь твоя внучка
Ушла, как ангел, не живя
И даже месяца. Беззвучно
Мы будем плакать – он и я.

03.12.03 г.

Прости, поэзия, за грубость языка,
Но о подонках говорить иначе
Я не могу – и властвует рука,
Ведомая одним лишь сердцем зрячим.

И я бессилён что-то изменить,
Любую мразь я мразью называю.
Нет, не могу к таким я добрым быть
И жалости к таким я не питаю.

Я вижу эту рожу подлеца.
Он учит воровству! Кого? Ребёнка!
Присвоивший себе права отца
И между тем в любви слюнявясь громко.

Какая к чёрту у таких любовь?
Поговорить-то толком не умея,
И что ни слово – хриплый мат и вопль,
Да так, что у мальчика всё цепенеет.

О, гнусность – подзаборная душа.
В его зрачках,
 поблёкших в жёлчной злобе,
Смеётся ЗЛО, всё доброе круша,
Сжигая в своей дьявольской утробе.

Прости, поэзия, за грубость языка,
Не мог сказать об этом я иначе...
И судорожно движенье кадыка...
Ну, вот опять о чём-то осень плачет...

Осень!

Осень!

Которая по счёту?

И сколько их осталось впереди?

Не разлюбить убранства позолоту

И не унять волнения в груди.

И с каждым годом трепетнее чувства,

Печальной грусти в сердце не унять,

А жизнь летит без огненного буйства,

Чтобы однажды свой полёт прервать.

Не ведая границ,

в свободном танце

Летит, кружит пожухлая листва...

И всунув в рот краснеющие пальцы,

Я засвистел, как в детстве пацанва.

12.09.89 г.

Любовь – как наркотическая связь.
Мне от неё избавиться едва ли.
И на груди она змеёй свилась
И притаилась, чтоб больней ужалить!

Испохабили страну,
Превратили Русь в подмостки.
Заигрались, бля, в войну
Демократы-недоноски.

И идёт у них игра,
И по крупному к тому же.
Кто кого? Сплошь шулера!
Спит народ или контужен?

Что не видит, кто есть кто,
Иль от голода – незрячий?
Крутит нами «Ч... в пальто»
И футболят, словно мячик.

Вновь смотрю в телеэкран:
Вижу рожи в три обхвата!
Каждый раз – иной обман,
И никто не виноватый.

Призывают к топору
(Мало крови по России?),
И опять, как прежде врут,
Что пока ещё мы в силе!

Испохабили страну,
Аж с семнадцатого года,
Подбивают на войну
Полунищего народа.

Бог ты мой! До коих пор
Будет нас дурачить всякий?
Если Русь возьмёт топор...
Эй, ну где вы, коммуняки?..

1999 г.

Всю ночь сидеть – и даже ни строки,
Как будто кто сковал цепями руки.
И лишь поют вчерашние «совки»,
Поют взахлёб ликующие звуки.

Им всё легко – писать и говорить.
И мыслями не надо напрягаться...
А я не силах даже рта открыть,
Чтоб за молчанье как-то оправдаться.

01.02.2002 г.

Критику

Стих баюкаю в руках,
Как кровиночку родную,
А на сердце – радость, страх,
И ко всем его ревную.

Что же, критик, ты молчишь?
Голова моя на плахе.
Иль перо ещё остришь?
Иль родился я в рубахе?

Только ты уж поскорей
Бей, без промаха и точно!
Слышу я: – Живи смелей,
Ты помилован заочно!

Подстава

Я не бывал в подобной непонятке.
Но вот случилось. Сам и виноват.
Безденежье давно мне топчет пятки,
А безысходность – переходит в мат.

Да что с того! Хоть головой разбейся.
Пытаюсь докопаться – почему?
А сам себе шепчу – почаще смейся,
Представь, несёшь через плечо – суму.

Да, я попал! Как будто дьявол дёрнул
Довериться бездумно подлецу.
Ему-то что? Он взял и тут же сдёрнул.
При чём тут стыд? Таким он не к лицу.

А совесть? А святое? – Просто лепет!
Он говорил, как будто колдовал...
Не думал я, что он мне «дуру» лепит.
За всё про всё! – Но я не спасовал!

2003 г.

Помню я...

Мой отец! Что помню я о нём?
Худощав, как я сегодня, кстати.
В сапогах. Затянутый ремнём.
Он на шахте кем-то там горбатил.

Приходил с работы. Видит Бог —
Шёл по полю с рожью иль с пшеницей,
Ну, а дома сыпал из сапог,
Что туда успело понабиться.

Она улыбалась...

Она улыбалась, зазывно маня
В даль, мне совсем незнакомую.
Вроде серьёзно и... как бы дразня,
Звала в жизнь иную и новую.

Она улыбалась, я слепо пошёл,
Доверил ей сердце наивное.
Как был я в то время, наверно, смешон,
Решив, что любовь вещь взаимная.

Она улыбалась, я брёл наугад
Теперь без неё, в жизнь обратную,
Откуда ушёл много лет я назад
В даль, мне совсем непонятную.

Вчера он был за «красных»,
Сегодня он за «белых»,
А завтра, точно знаю, за чёрно-голубых.
С такими жить опасно,
Они всегда при деле
И при любой погоде всегда среди своих!

1993 г.

На сто вопросов – почему? –
Не нахожу ответа.
Как будто я попал во тьму,
Нет впереди просвета.

Иду на ощупь, кое-как.
Пытаюсь разобраться:
Так почему в стране бардак,
Сплошной бардак и бл..ство.

Но нет ответа. Немота.
Разгул крысиной стаи.
И кто без Веры и Креста,
Сегодня процветают.

05.02.2014 г.

Причал разлуки

Любимая, я вижу, вспоминая
Рассыпанную смоль твоих волос,
Как ты стоишь, к груди чуть прижимая
Букетик чудом купленных мимоз.

А ветер по-осеннему неистов,
Прильнув к тебе, бросает тело в дрожь.
Последний раз пришла на эту пристань,
Чтобы прервать мучительную ложь...

Поэзия

Она преследует меня
И днём, и ночью – вот шальная.
То недоступностью дразня,
То что-то всё же обещаю.

И как бы глядя с высоты,
Я от восторга цепенею.
И жгу я прошлого мосты,
И ни о чём не сожалею.

И не она, а я уже
Бегу за ней. Зачем? Не знаю.
А в голове: – Ах, неужель
Не догоню и... потеряю?

И я бегу. Бегу быстрее.
День пролетел, и ночь проходит.
Светает – мокрый воробей
На ветке глаз с меня не сводит.

Вдруг подмигнул: чирик-чирик,
Сказал мне ясно и понятно:
«Ну что, догнал её, мужик?
Нет? Ну, тогда шуруй обратно».

Ах ты, несчастный пискунок!
И ты смеёшься надо мною?
Ведь в эти дебри заволок
Своей ты глупой болтовнёю.

А как серьёзно я начал,
Закончить я хотел серьёзно...
Чего ж ты, глупый, замолчал?
Эй, воробей!
А править поздно.

1983 г.

Как трудно воскресать из мёртвых!
Воскреснув, обострённо сознавать,
Что мне в своих разгулах забубённых
Страшней всего жизнь эту потерять.

Пусть даже непутёвую, шальную,
В хмельном, полубредовом кураже.
Не обрести мне жизнь теперь иную,
Но Бог живёт всегда в моей душе.

И видимо, за жизнь мою страдая,
Он не даёт уйти мне в мир иной.
И я опять из мёртвых воскресаю
Благодаря любви Его святой.

1989 г.

Ты пишешь мне...

Ты пишешь мне,
 что ты не прочь вернуться,
Что ты уже другая. Знаю – ложь.
И, не желая больше обмануться,
В ответ пишу: – Живи, как ты живёшь.

Ты пишешь мне, что все подруги – суки.
Они повинны в сломанной судьбе.
Ты поняла за восемь лет разлуки.
Но, извини – не верю я тебе.

Ты пишешь мне, что я жестоким не был,
Да что и ты совсем другой была.
Но, знаешь ли, ты прошлого не требуй,
Любовь меж нами тихо умерла.

Ты пишешь мне, что дочка ходит в школу,
Что умница, характером в тебя.
Я ей пишу... разбросаны по полу
Клочки письма. И не ответил я.

Ты пишешь мне. Ты снова пишешь мне,
А я тебе уже не отвечаю...
Но почему порой в тревожном сне
Я боль в груди так часто ощущаю?!..

Пасхальный день

Об этом дне не пишется в газетах.
Об этом дне не принято писать...
Пасхальный день. Толпою разодетой
Идут живые мёртвых поминать.

На кладбище
 как в праздник многолюдно,
Не убывает здесь поток людской.
Печаль и грусть
 слились с дыханьем трудным,
И будто стон неслышный над толпой.

И в этот день поминовенья, скорби
Мы вспоминаем близких и родных,
У их могил от горя плечи горбим,
Как будто ждём прощения от них

За все обиды, кстати и некстати,
Что сгоряча сумели нанести.
Теперь во всём себя лишь виноватим
И запоздало – вечное «Прости»

Им говорим. Они глядят с портретов.
Прощают нас, а может, и... как знать.
Пасхальный день. Толпою разодетой
Идут живые мёртвых поминать.
1987 г.

Ударить несмышлёныша, ребёнка
По голой попке, даже сгоряча,
Способна полоумная душонка,
Душа с лицом тупого палача.

И лишь за то,
 что слишком громко плакал,
Быть может, грудь заветную прося...

Какая дрянь...
Нет слов,
 и ... в сердце – вакуум,
А обложить по-русски так! ... нельзя.

И каждый день брѣх яростный,
до дрожи!
Как быстро в демократах стали все!
Меняют цвет, с себя сдирая кожу,
И вертятся, как белки в колесе.

Доказывая, в сущность не вникая,
Друг перед другом выпучив глаза –
На все педали, вроде, нажимая,
На самом деле жмут – на тормоза.

Так кто ж они, избранники в столице!?
В сей толчее ну разве разберёшь!
Одни и те же на экране лица,
Одна и та же бра́вурная ложь.

1987 г.

Вот и всё! И кончился наркоз.
Боль пошла волной по всему телу.
Только нет. Не надо больше грёз
О любви, давно осиротелой.

Когда мы пьём, а женщины вокруг
Сидят и рассуждают о прекрасном,
И нет возможности
 прервать порочный круг,
И все усилия прервать, увы, напрасны.

Я знаю, это ложь и болтовня,
А ближе к ночи будут все бухие.
И белой вьюгой ляжет простыня,
И мы на ней бессовестно-нагие.

Посвящается О. Мандельштаму

Через сто ли, двести лет
Подытожат время
То, в котором жил поэт
Наравне со всеми.

И услышат стон и плач
Время проклятого,
Где безумствовал палач
В образе святого.

Пред которым в полный рост
Каждый верил люто! —
Вот он, их Иисус Христос
И спаситель люда!

Верил с яростью слепой,
До конца, до гроба.
Вечен ОН – Отец родной,
И бессмертен Коба.

Поэты плачут иногда —
Чувствительные души.
Как будто в дом вошла беда...
Как будто Храм разрушен...

*...На дне её таится больше горя,
Чем на кладбище...*

Айра Уолферт

От скольких я когда-то сам отрёкся!
Разборчивость и боль... топил в вине.
И вот теперь, мне кажется, я спёкся,
И жизнь моя вся съёжилась на дне.

А, может быть, всё это просто ересь!
Ведь я во что-то верю до сих пор.
Я на судьбу свою не ерепенюсь,
Мне Бог – судья, и Бог – мой прокурор.

Школьница

На подоконнике окна
Она стоит и моет стёкла.
И в блеске их отражена
Парящей птицей в небе блёклом!

Дорога. Дождь. «Бунтует» колесо.
Нас четверо в ГАЗоновской кабине.
И мы летим на скорости в лесок
К какой-нибудь разлапистой рябине.

Где можно бы укрыться от дождя,
Устроиться на бархатной полянке.
Серёга, Жанна, Ирка да и я
Махнули в лес, на сабантуй, по пьянке.

И надо ж, на каком-то вираже
Серёге нелегко крутить баранку,
Ведь Жанна на коленях в кураже.
И он таранит дерево, как танком.

Ну слава Богу, вроде пронесло,
Без всяческих серьёзных осложнений,
А девочек как языком смело,
Смахнуло с наших жаждущих коленей!

1990 г.

Наперекор неразберихе,
Я вижу ясно цель его.
Нет, не умом, а сердцем тихим
Предвижу мысли торжество.

И пусть сегодня гвалт, и ропот,
И откровенная хула,
Но канет в Лету «серп и молот»...
...На триколоре – герб Орла.

1989 г.

В стылых ветвях сентября —
Солнечного света —
Паутинки серебра,
Заплуталось лето.

Ты пришла! Взбудоражена кровь,
То, что было забыто, вдруг ожило.
Показалось, что жизнь улыбается вновь –
Не совсем, видно, сердце стреножено.

Отлегло. Отпустило. И снова вперёд.
Слишком многое мною потеряно.
Но, а что потом будет –
паденье иль взлёт?

Ты шепнула: - В тебе я уверена.

И я снова увидел мерцающий свет.
Сердце верой моё растревожено...
Я нашёл твой, когда-то потерянный, след,
Белой вьюгой в ночи запорошенный.

1982 г.

Она вошла! И вдруг светлее стало!
И всё преобразилось в тот же миг.
И многоцветьем редкого кристалла
Мир заиграл в глазах её больших.

Мир заиграл, заплакал, засмеялся,
Взорвался громом и тотчас затих...
А я стоял и молча любовался
Кристаллом многоцветья глаз больших!

Пользуюсь любим я мигом счастья...
Краткой, очень краткой жизнь дана.
Не цыганю я к себе участья.
Я беру, что нравится, сполна.

Я беру голубизну и нежность
Неба и... ответные слова
Девушки, ушедшей в неизбежность,
Чьи признанья помнятся едва.

Я беру чужие смех и слёзы.
Вместе с ними плачу и смеюсь.
И срывая поздние мимозы,
Я не сожалею, не винюсь.

В этой жизни, в общем-то, чудесной,
От невзгод не горбил своих плеч.
Потому любил я поднебесный
Этот мир сиюминутных встреч.

Проснулся резко. Среди ночи,
Как будто кто меня толкнул.
И я услышал, слабо очень
Мне Бог настойчиво шепнул:

Вставай. Твори. Ты отрок века;
Кружит над Русью вороньё!
Нельзя, чтоб нравственный калека
Сгубил Отечество своё...

И я встаю. И строки сами
Легли на девственность листа...
Нельзя, чтоб вновь палач с усами
Воскрес с распятием Христа.

1992 г.

Содержание

«Три родинки на девичьей груди...»	3
«Ночь. Зима. Уснувший ветер...»	4
В ночном	5
Весеннее	6
1988-1990 гг.	7
Зловещий сон	8
Либеральные «лизуны»	10
Когда-нибудь... ..	11
Чубайщина	12
Запах материнства	13
Совсем не то, совсем не та... ..	14
«Не разум мне вещун, а сердце...»	15
«Когда было мне неважно...»	16
«Угрюмою строкой ложится слово...»	17
«Спит дочурка, разметалась...»	19
Ну, вот и всё	20
«Всё трудней с годами засыпать...»	21
«Предчувствия тревожные мои...»	22
«Гнусный дьявол прошёл по судьбе...»	23
Ссора	24
«Все мы! Все мы вышли в мир Оттуда!» ..	25
Потеря	26
Ночной дождь	28
За одни глаза твои	29
«Родился я и жил в бараке...»	30
Всю нежность сердца	32
«Мне очень жаль...»	33
Она приходит	34
Барачные свадьбы	35
«Какие б ни случились передраги...»	37
Вчерашним коммунистам	39
«Друзья уходят слишком быстро...»	40
Ну, не художник я... ..	41
"Не хочу! Устал! Невмоготу!" ..	42

«Не хочу! Устал! Невозможу!»	42
«Не влюбляюсь, почти не влюбляюсь...» ..	43
Осенний рекеиём	44
«Сегодня я счастливый и хмельной...»	46
Пасьянс Судьбы	47
«Когда совсем уже невозможу...»	48
«Осень, а в сердце - весна!»	49
«Предвижу я: немало катаклизмов...»	50
Толерастам-либерастам, да и пр.	51
«Жгучая боль...»	52
Поэты	53
«Мне всё равно – «абрек» ты...»	54
«Когда угасает задор...»	55
«Малышка»	56
«Никогда не загадывай в жизни...»	58
Весенний ливень	59
Из осколков...	60
Развод	61
«Снова вечер, февральская стужа...»	62
Над страную...	63
Зачем ты...	64
«Хожу на барахолку. Привыкаю.»	65
Исповедь бывшего члена... (памфлет)	66
Весёлой птицей	68
Моя поэзия	69
Ода 8 Марта	70
«Передовики»	71
Робкая зима	72
«Ты говоришь, что снова влюблена!»	73
«Мне кажется, я падаю с небес...»	74
Сон (шутка)	75
«А ты уйдёшь и не вернёшься...»	76
На смерть поэта-фронтовика	77
«Ты, возможно, была...»	78
«Уж многих нет друзей из детства...»	79

«Прости, поэзия, за грубость языка...»	...81
«Любовь, как наркотическая связь...»82
«Испохабили страну...»83
«Всю ночь сидеть – и даже ни строки...»	85
Критику86
«Тревогою и радостью пронизан...»87
Подстава88
Помню я...89
Она улыбалась...90
«Вчера он был за «красных»...91
«На сто вопросов – почему?..»92
Причал разлуки93
Поэзия94
«Как трудно воскресать из мёртвых!»	...96
Ты пишешь мне...97
Пасхальный день98
«Ударить несмышлёныша, ребёнка...»	...99
«И каждый день брех яростный...»100
«Вот и всё! И кончился наркоз...»101
«Когда мы пьём, а женщины вокруг...»	..102
Посвящается О. Мандельштаму103
«Поэты плачут иногда...»104
«От скольких я когда-то сам отрёкся!»	105
Школьница106
«Дорога. Дождь...»107
«Наперекор неразберихе...»108
«В стылых ветвях сентября...»109
«Ты пришла! Взбудоражена кровь...»110
«Она вошла! И вдруг светлее стало!»	...111
«Пользуюсь любым я мигом счастья...»	..112
«Проснулся резко. Среди ночи...»113

Пасьянс Судьбы: сборник стихотворений /
 Вячеслав Шихин. - Новомосковск.: [б.и.],
 2016. - с.116